

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.2.5

EDN: GGRIZF

Научная статья

Research article

ИЗ ИСТОРИИ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ ЦИТИРОВАНИЙ. ПЕРВЫЕ ДВЕ РАБОТЫ И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ. Часть 3

**Лазарев
Владимир Станиславович¹**

¹ Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь

Для цитирования: Лазарев В. С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 3 // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 2. С. 92–113. DOI 10.19181/smtp.2025.7.2.5. EDN GGRIZF.

Аннотация. Видимое многообразие мотиваций цитирования и представление о возможных различиях в его функциях уже в 60-е гг. XX в. (т. е. на заре появления инструментария под названием “Science Citation Index”) привели к появлению первых попыток наукометрических классификаций цитирований, которые создавались исходя из предположения, что их применение позволит получать более точные данные как о характеристиках цитированных документов, так и о самой природе научного цитирования, и которые помогут совершенствовать информационный поиск. Создание подобных классификаций рассмотрено здесь в контексте необходимости правильного понимания отражения свойств научных документов их цитируемостью. В данной работе проанализированы русскоязычные статьи данной тематики, опубликованные начиная с 1976 г.

Ключевые слова: наукометрические классификации цитирований, мотивация цитирования, функции цитирования, причина цитирования, использование научного документа, ценность научного документа, качество научного документа, «импакт»

FROM THE HISTORY OF SCIENTOMETRIC CITATION CLASSIFICATIONS. THE FIRST TWO WORKS AND RUSSOPHONE PUBLICATIONS. Part 3

Vladimir S. Lazarev¹

¹ Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

For citation: Lazarev V. S. From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Russophone publications. Part 3. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(2):92–113. (In Russ.). DOI 10.19181/smtп.2025.7.2.5.

Abstract. The apparent diversity of citation motivations and the idea of possible differences in citation functions led to the first attempts at scientometric classifications of citations as early as in the 1960s (i.e. at the dawn of the appearance of a toolkit called the Science Citation Index). These classifications were developed based on the assumption that their application would make it possible to obtain more accurate data on both characteristics of cited documents and the very nature of scientific citation. They were also supposed to help refine information retrieval. The creation of such classifications is considered here in the context of the need for a correct understanding of the reflection of the properties of scientific documents by their citedness. In this work, the Russian-language articles on this topic published since 1976 and onwards are analyzed.

Keywords: scientometric citation classifications, citation motivation, citation functions, cause for citation, scientific document use, scientific document value, scientific document quality, “impact”

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕТВЬ РАБОТ ПО НАУКОМЕТРИЧЕСКИМ КЛАССИФИКАЦИЯМ ССЫЛОК (окончание)

Следующий материал по проблематике классификации ссылок, попавший в руки автора этих строк, – это препринт, в числе авторов которого вновь присутствует Е. Д. Гражданников [1]. На этот раз применение предлагаемых классификаций («вариантов ранжированных классификаций» [1, с. 13]) увязано не с «оценкой научного уровня» как таковой, а с совершенствованием «библиографического поиска» за счёт привнесения в него наукометрического инструментария [1, с. 12–13]. Впрочем, такой поиск касается публикаций «с заданной нижней границей ценности» [1, с. 13], так что классификации, предлагаемые в препринте, – это по факту всё равно средство, направленное на оценку «уровня» публикаций по их цитируемости. При этом с учётом различного характера ссылок каждому их классу присваивается свой «вес» (у авторов – «баллы») [1, с. 14]. Классификация резко усложнилась: всего было предложено теперь 15 классов цитирования, объединённых в четыре типа, которые в свою очередь формируют две группы. Названия групп представляются нам неудачными, и приводить их мы не будем, но смысл разделения ссылок на группы в том, что одна из них включает типы, выделенные «по принципу независимости от автора» (т. е. с выделением самоцитирования в отдельный класс), а другая

выделена по т. н. «принципу определённости», т. е. в один класс выделены нормальные информативные ссылки, содержащие необходимые элементы библиографического описания, а в другой – неполные, неточные ссылки, ссылки с пробелами в библиографическом описании; иными словами – ссылки, требующие реконструкции и непригодные без неё к прямому использованию. В препринте это названо соответственно «прямым» и «косвенным» цитированием¹. Также в группе ссылок, выделенных «по принципу независимости от автора», помимо «полного цитирования» (3 «балла» за одну ссылку) и «самоцитирования» (1 «балл»)², выделен класс «полуцитирование» или «соавторское самоцитирование» (2 «балла» за ссылку). Но если весовые («балльные») ограничения на «классы цитирования», выделенные «по принципу независимости от автора», могут лишить пользователя релевантных научных документов, на которые указывает самоцитирование, то присвоение одного «балла» т. н. «косвенным» ссылкам на фоне двух «баллов», приписанных нормально оформленным ссылкам, кажется, напротив, чрезмерным. Ведь «косвенные ссылки», примеры которых приведены в сноске 1, в том виде, в котором они даны в цитирующих источниках, как правило, вообще не смогут служить в качестве инструмента для информационного поиска пользователя! Чаще всего такие ссылки бесполезны, но отказу от их применения могут предшествовать длительные и безуспешные попытки пользователя информационных услуг. Такие ссылки должны либо удаляться и не поступать к нему (т. е. им следует приписывать 0 «баллов»), либо поступать к нему в «реставрированном виде» [3], – но в этом случае чем тогда обоснован их более низкий статус? Не приведено никаких доказательств тому, что небрежно оформленные ссылки ведут к менее ценным цитированным источникам³. Проблема в другом – в их трудоёмкой реставрации.

Ещё больше внутреннего сопротивления вызывают «классы цитирования», которые предполагаемо конкретизируют «положительные (позитивные)» и «отрицательные (негативные)» ссылки. И здесь начинать приходится с уже отмеченного в предыдущей части при анализе предыдущей публикации с участием Е. Д. Гражданникова [4] непонимания авторами того, что цитирование в принципе всегда отражает использование цитирующим автором цитированного документа. (Если речь не идёт о фальшивых, мошеннических ссылках.) А между тем, согласно препринту [1, с. 15], отрицательные ссылки как классификационный тип – это те, которые свидетельствуют, что «данные референтной публикации *не используются*» в цитирующей работе (выделено мной. – В. Л.) – хотя в предыдущей работе [4] вопрос об использовании

¹ «Косвенное цитирование – это цитирование, когда сведения о референтной публикации указаны неполно или не ясно точно, о чём идёт речь, например, нет ссылки в тексте, но есть указание в библиографии (списокное цитирование); указано имя, но не сообщаются выходные данные работы (безадресное цитирование); указана работа, но не сообщаются авторы (бесфамильное цитирование); одна ссылка сразу на несколько работ разных авторов (групповое цитирование) и т. п.» [1, с. 13]. Такие ссылки оцениваются в «баллах» в два раза ниже, нежели «прямые» (1 и 2 «балла» за ссылку соответственно).

² Классификация, напомним, предназначена для информационного поиска, и учёт самоцитирований при его выполнении позволил бы детальнее разобраться с историей разработки вопроса самоцитирующим автором, что для поиска отнюдь не лишнее! Однако приписанный в [1] ссылкам этого класса низкий вес может в итоге отрезать пользователя информационного поиска от потенциально важных для него документов, чего при учёте ссылок по принципу «все ссылки равны» [2, р. 89] никогда бы не произошло.

³ Можно, конечно, считать, что небрежно, с ошибками оформленные ссылки могут косвенно указывать на слабость смысловых связей: важную работу и цитируют аккуратно. Однако в [1] к подобной аргументации не прибегают.

отрицательно цитированных ссылок был обойдён молчанием. Кстати, в рассматриваемом тексте сказано буквально не «в цитирующей работе», а «в дальнейших исследованиях». По-видимому, здесь небрежная формулировка: ведь с уверенностью можно говорить лишь о цитирующей работе. Но можно понять и так, что одна отрицательная ссылка закрывает путь цитируемому в дальнейшие работы вообще. Пойми, кто может. Впрочем, если вторая догадка верна, авторы претендуют, в частности, на то, что всегда прав критик. Но это не так.

Как бы то ни было, вопреки [1, с. 15], ссылки даются не только на *данные*, но и на идеи, мысли, догадки. (И эти мысли и догадки при этом *используются*.) Тогда, если следовать букве цитируемой выше формулировки, получается, что ссылка, отвергающая или опровергающая какую-либо *идею*, отрицательной не является. Но это явно не так; а, кроме того, при опровержении как идеи, так и данных на самом деле также имеет место использование. Ведь – и в предыдущей части об этом также говорилось – если разбор какой-то работы либо какой-то её части помогает мне находить новые аргументы для своей точки зрения, новые пути, да и поводы для изложения своего взгляда на проблему, то эта работа, получающая яростное «отрицательное цитирование», служит стимулятором для совершенствования работы цитирующей [5, с. 12]. (А если этого нет, для чего мне осуществлять этот разбор и цитировать эту работу?!) При этом она подвергается самому пристальному анализу, из неё извлекаются и рассматриваются формулировки отвергаемых цитирующим автором положений, предлагаемые затем в новом контексте и трактовке читателю. Не использование ли это?! Не буду лишний раз привлекать цитированные в части 2 словарные определения: ответ очевиден.

Перейдём к классам, выделенным в рамках этих типов. Среди положительных цитирований (применительно к которым почему-то также сказано об использовании «в дальнейших исследованиях», а не в цитирующей работе; причём имеется в виду использование именно «данных» [1, с. 13], а не документа в целом, включающего, помимо «данных», скажем, идеи) – такие классы, как «справочное» (1 «балл»), «вспомогательное» (2), «рядовое» (3), «авторитетное» (3) и «классическое» (5 «баллов»). Если в предыдущей работе с соавторством Е. Д. Гражданникова [4, с. 279] «[п]од авторитетным цитированием понимаются такие цитирования, когда сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и используются в качестве основополагающих положений», то во вновь разбираемой формулировке это – «цитирование идей, положенных в основу данной работы (преемственное цитирование); цитирование работ, результаты которых используются и развиваются в данной работе (конструктивное цитирование); цитирование идей, которые подтверждаются результатами данной работы (подтверждающее цитирование)» [1, с. 15]. Уверенно распределить хотя бы десяток ссылок в соответствии с каждым из данных признаков – весьма непростая задача не только для посредника, но и для самого цитирующего автора. Легко ли, к примеру, различать между «преемственным» и «конструктивным» цитированием?! (Заметим, что в явной форме факт использования цитированной работы признаётся в [1] только применительно к «конструктивному цитированию», но повторять свою аргументацию применительно к каждой цитате я не буду.)

При этом с позиций организации информационного поиска непонятно, а для чего вообще эти признаки выделены столь подробно и изолированно – словно подклассы. Ведь получается, что для того, чтобы мысленно соотнести представление о содержании связей, отражённых каждой ссылкой, с определением «авторитетного цитирования», приходится соотносить его с несколькими его определениями, – в несколько раз повысив при этом трудоёмкость и без того более чем трудоёмкого анализа. (И это – не единственный класс, выделение которого вызывает аналогичные трудности.) Заметим ещё, что если «конструктивное цитирование» рассматривалось в [4, с. 279] как самостоятельный класс (во всяком случае – формально самостоятельный), то здесь такие ссылки рассматриваются как часть «авторитетного цитирования».

Большой вес, чем «авторитетному», приписывают Е. В. Гражданников и Т. В. Сорокина «классическому цитированию» [1, с. 14–15], которое определено в цитируемой работе, как «цитирование работ учёных-классиков науки; цитирование для демонстрации больших научных достижений» (чьих? – В. Л.) [1, с. 15]. Определение кажется рыхлым, а высокая «балльная» оценка, приписываемая действительно классическим работам, – всегда ли она целесообразна – с учётом того, что применяется в конечном итоге для информационного поиска научных документов, а не «просто» для их наукометрической оценки? Классика ведь потому и классика, что она (должна быть) известна каждому, а нам предлагают трудоёмкий анализ выявления и предложения пользователю информационных услуг работ, которые и так ожидаемо ему известны.

И ещё вопрос: чьи же научные достижения призваны отразить такие ссылки? Ясно, что обычно оцениваются цитируемые работы, но что прибавят новые ссылки на Эйнштейна, к примеру, в представлении о ценности его работ? Но Петру Ивановичу Сидорову, скажем, может быть и «выгодным» побыть в тени Эйнштейна, «уснастив» свою работу ссылками на последнего.

Продолжим. «Вспомогательное цитирование, – пишут авторы, – это цитирование для целей, которые не являются основной для источниковой публикации» [1, с. 14]. И как же информационному посреднику оценить, преследовалась ли именно основная исследовательская цель цитирующей работы при цитировании какой-то конкретной публикации? В ряде случаев, вероятно, это сделать действительно легко и какие-то ссылки на ритуальные «подходы издавека» во введении цитирующей статьи окажутся явно «вспомогательными». В то же время я никогда бы не взялся выделять «вспомогательные» ссылки в любом ином разделе даже своей собственной статьи: при обсуждении научной идеи важно всё! В противном случае сделанные мной ссылки у меня просто бы «не проскочили»⁴.

Классификация включает в себя также «рядовое цитирование», куда входят «цитирование для указания на приоритет (приоритетное цитирование), <для> информирования о состоянии исследований (обзорное цитирование) или <для> отсылки к работам, содержащим сведения, которые в данном случае не приводятся в целях экономии места (замещающее цитирование)»; таким

⁴ Речь, разумеется, опять не идёт о фальсифицированных, договорных и т. п. ссылках. Эти последние – «проблема» не наукометрическая, а административная [6, с. 584], и потому её следовало бы вообще оставить за пределами нынешнего обсуждения. Но её сейчас модно раздувать до столь абсурдной степени, что такие оговорки кажутся почти неизбежными.

ссылкам присваивается 3 «балла» [1, с. 14–15]. Вскользь заметим, что сутью «замещающего цитирования» с его отказом от пересказа цитируемой работы и заменой его ссылкой представляется то, что цитируемая работа, представленная ссылкой, оказывается неотъемлемой частью содержания работы цитирующей. Т. е. имеет место полная ассимиляция – что это, если не использование?! Вообще, рассматривая приведённые формулировки, хочется во всех трёх случаях говорить об «обзорном цитировании»: «замещающее» отличается от обзорного лишь степенью упоминания о цитированной работе / её пересказа, а «приоритетное» – спецификой цитированного материала. Детализация «признаков класса» (формулировка [1, с. 13]) – практически до подклассов – не упрощает, а усложняет процедуру соотнесения с ними ссылок. Кстати, имеет ли класс «справочного цитирования» – цитирования, свидетельствующего «об использовании данных, которые считаются известными, не новыми для науки» [1, с. 13–14], – какие-либо явные отличия от «обзорного цитирования», информирующего «о состоянии исследований» [1, с. 14]?⁵ Но ссылке в случае «справочного цитирования» присваивается 1 «балл» [Там же], а не 3. А сколько нужно усилий информационному посреднику-эксперту для того, чтобы отделить «справочные» ссылки от «обзорных»? И какой квалификацией он должен при этом обладать? (Не говоря уже о явной, хотя и не обозначенной в [1] необходимости изучать и содержание цитируемых работ.) И если бы такой гипотетический информационный посредник – обладающий безмерным временем и неправдоподобной квалификацией по изрядному количеству научных направлений – вообще был возможен, то нужен ли ему сам наукометрический инструментарий для предоставления информационного сервиса учёным (которые и сами не знают – во всяком случае, зачастую не знают, – из каких соображений они цитируют [7, р. 615])?! Ведь он тогда и без наукометрии всё им предоставит и разжует. (Автор просит прощения за игривый – без веселья – и ироничный тон.)

Обратимся к «отрицательному цитированию». Согласно [1, с. 15], оно свидетельствует «о том, что данные референтной публикации не используются в дальнейших исследованиях». В предыдущей публикации с соавторством Е. Д. Гражданникова [4] такое цитирование (там оно названо «негативным», но это – полные синонимы) с понятием использования вообще не сопоставлялось, но я уже комментировал ту (более сдержанную) трактовку в части 2, а сейчас лишь кратко повторю, что при опровержении, когда «отрицательно» цитируемая работа подвергается пристальному анализу и из неё извлекаются и рассматриваются формулировки отвергаемых цитирующим автором положений, использование однозначно имеет место [5, с. 12].

Согласно [1, с. 14–15], отрицательное цитирование включает в себя пять классов. Начнём с трёх вот каких: «дискуссионное цитирование», «критическое цитирование» и «отвергающее цитирование». Согласно [1, с. 15], в первом случае имеет место «цитирование работ с целью противопоставления аргументов или фактов», во втором – цитирование «с целью указать недостатки и предложить другую точку зрения по данному вопросу», в третьем – для указания

⁵ Заметим, что «справочное цитирование» соотносится в [1, с. 13–14] с «использованием данных» (похоже, что авторы этой усложнённой классификации только с данными использование и соотносят), но с «обзорным» и вообще с «рядовым» цитированием использование они не соотносят [1, с. 14–15].

на ошибку, принципиально важную «в фактических данных или теоретических рассуждениях». Иными словами, в первом случае излагаются некие новые аргументы и факты, для понимания читателем которых необходимо их сравнение с (условно) неверной (но кто сказал, что прав именно критик? [8, р. 362]) их трактовкой в цитируемых работах. Ясно, во-первых, что такие «дискуссионные» ссылки необходимы для читательского понимания того, что предлагает автор, а, во-вторых, что цитируемые работы подвергались при этом анализу и (в-третьих) служили «строительным материалом» при представлении «аргументов и фактов». С какой точки ни смотри, они были использованы при написании цитирующей статьи. А если так, то, согласно терминологии самих же Е. Д. Гражданникова и Т. В. Сорокиной, речь идёт о разновидности «конструктивного цитирования», при котором, согласно [1, с. 15], «результаты используются и развиваются» и которое, в свою очередь, является разновидностью «авторитетного цитирования» [Там же]. Но последнему приписано плюс 3 «балла», а дискуссионному цитированию – минус 2.

Цель «критического цитирования» – «указать недостатки и предложить другую точку зрения» [Там же]. Собственно, первое без второго и невозможно: критика недостатков как тема публикации лишь тогда и возможна, когда хотя бы умозрительно просматривается лучший вариант⁶. Но тогда описание «другой точки зрения» неотделимо от обсуждения недостатков; тогда получается, что работы, содержащие описания недостатков, были *использованы* для формулировки иной точки зрения. Однако, несмотря на использование, «вес» такой ссылки – минус 3 «балла» [1, с. 14]. (Напомним, что, согласно [1, с. 15], «отрицательное цитирование» свидетельствует о том, что цитируемая работа не использовалась при написании цитирующей, но пока – рассмотрев два вида «отрицательного цитирования» – мы видим картину, этому утверждению не соответствующую.)

Вслед за «цитированием-критикой» названо «цитирование-отвергание», «указывающее на ошибку, принципиально важную в фактических данных или теоретических рассуждениях» [Там же]; вес такой ссылки – минус 4 «балла» [1, с. 14]. Между тем, если идёт речь об ошибке, принципиально важной «в фактических данных или теоретических рассуждениях», значит, эти данные или рассуждения не могут быть с должной мерой убедительности представлены без её анализа. А последний – суть вновь несомненное использование цитирующей работы. Правда, рекомендовать её для передачи пользователям информационного обслуживания действительно не следует, но для цитировавшего автора она действительно была ценной, т. к. её использование содействовало усилению авторской аргументации.

К отрицательным ссылкам авторы [1, с. 15] относят также «цитирование-поправку», цель которой – «указать на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» (ссылке приписан «вес» в минус 1 «балл» [1, с. 14]); на наш взгляд, это явный случай т. н. «обзорного цитирования», целью которого, согласно той же странице является «информирование о состоянии исследований» [Там же] и которое само, согласно [1, с. 14–15],

⁶ За исключением предупреждения о реальной опасности, возникающей при использовании критикуемого варианта; впрочем, в этом случае использовались бы более оперативные и более ультимативные каналы: административные. Хотя «вдогонку» им могли бы появиться и обсуждающие проблему публикации.

является частным случаем «рядового цитирования» («вес» – плюс 3 «балла» [1, с. 14]). А может быть, следует отнести его к «вспомогательному цитированию» (цитированию в целях, не основных для цитирующей публикации; «вес» – плюс 2 «балла») [Там же]?! Ведь, в конце концов, относятся ли к целям, являющимся основными для цитирующей публикации, указания «на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» [1, с. 15]?!

Ещё к «отрицательным ссылкам» Е. Д. Гражданников и Т. В. Сорокина относят «цитирование-обвинение», т. е. «цитирование работ для демонстрации их псевдонаучного (лженаучного) характера» [Там же]. (Его «вес» – минус 5 «баллов».) Но трудно представить себе обычную научную статью, не являющуюся широкомасштабным обзором выдающихся достижений, в которой были бы уместны эти обвинения. Они более уместны (и могут быть необходимыми) в научно-популярных текстах, учебниках, статьях по истории науки. Но в таких текстах такие ссылки вновь окажутся «обзорным цитированием» (разновидностью «рядового цитирования»), поскольку они дополняют картину о состоянии дел и помогут читателю лучше понять её. Что же до научных работ, то такие ссылки действительно весьма редки и могут возникнуть, как цитирует Ю. Гарфилд, лишь в том случае, «[е]сли неверные результаты стоят на пути дальнейшего развития предметной области или если они противоречат работе, в которой кто-то другой заинтересован лично» [9, р. 45] (цит. по: [8, р. 361]; здесь и далее перевод мой. – В. Л.). В цитированном Ю. Гарфилдом фрагменте такие ссылки названы «лобовой атакой» [Ibid.]. Но и в контексте «дальнейшего развития предметной области», и в целях прояснения собственной научной позиции приведение подобных ссылок сопровождается скрупулёзнейшим смысловым анализом; т. е. речь опять идёт об использовании цитированного материала.

Пытаясь разбирать класс «отрицательного цитирования» по Е. Д. Гражданникову и Т. В. Сорокиной [1], постоянно приходишь не только к вполне очевидной мысли о том, что во всех их проявлениях, вопреки их заявлениям, имеет место использование цитированного материала, но и к представлению о, так сказать, позитивной их роли в создании цитирующих работ⁷. Собственно, эти мысли можно увидеть в известной публикации Ю. Гарфилда [8, р. 361–362], упомянутые страницы которой воспринимаются как контраргументы к мыслям об «искажающей роли» отрицательного цитирования. Здесь хочется изложить их в пересказе Ю. П. Холюшкина с соавт. [10]: пикантность ситуации здесь в том, что, хотя Ю. П. Холюшкин в 2010-е гг. проявил себя как соавтор [11; 12] и единомышленник [13; 14] Е. Д. Гражданникова, по приводимой ниже цитате в этом его можно было бы и не заподозрить. Итак, цитирую: «...возникает одно недоразумение – боязнь завышения показателей цитируемости за счёт критических или негативных ссылок. Это происходит редко. Учёные не склонны отвлекаться на опровержение нестоящих работ. И публикация, получившая много критических ссылок, с полным основанием может рассматриваться как достаточно значительная для того, чтобы затратить время на полемику с ней. Более того, немало теорий в момент своего появления вызывают критику,

⁷ Что, если разобраться, также вполне очевидно: ведь при создании научного документа ненужная, бесполезная работа просто не будет использоваться. Если список цитированной литературы лишён всякого рода фальсификаций, это отражается в нём с неизбежностью.

причём не приходится полагать, что критики всегда правы» [10, с. 55]. Далее в качестве примера Ю. П. Холюшкиным приводится «первоначальное негативное отношение <...> к работам Н. И. Лобачевского...» [Там же].

В общем, думается, что с рассмотренной классификаций – большая, извините, путаница. Чем глубже в неё вникаешь, тем меньше понимаешь, как классифицировал бы с её помощью даже ссылки в собственных статьях. (Уверен, что не взялся бы за это ни при каких обстоятельствах.) А уж о том, чтобы с её помощью этот процесс «ставить на поток» и речи быть не может. Потенциальную пользу для применения такой классификации в целях совершенствования информационного обслуживания автору этих строк увидеть также не удаётся. Сообщений о её практическом применении мне не известны.

Итак, в [1] предложена многократно по сравнению с предыдущей [4] усложнённая классификация. Она производит впечатление искусственно усложнённой и вряд ли вообще пригодна к практическому использованию. В ней вновь нет признания отражения использования документа в его цитируемости как универсального принципа. Более того, определения ряда классов даются по принципу «в случае, когда цитируемая работа не используется». При этом авторы идут на вольное или невольное ухищрения, подменяя утверждения о неиспользовании цитируемых документов на утверждения об неиспользовании приведённых в них данных (при этом «использоваться», согласно [1], могут «результаты», цитироваться могут и «идеи», и сами «работы», а вот «не использоваться» – только «данные» [1, с. 15]⁸). Но даже если признать неиспользование данных, это не значит, что не используется документ. Ведь согласно «Терминологическому словарю по информатике» [15, с. 109], «данные» – это «[и]нформация, представляющая собой сведения, обычно выражаемые в численном виде (цифровая информация) и используемые для последующей обработки с использованием математических методов (статистической обработки и т. п.). Иногда понятию “данные” придаётся смысл исходной информации не только в численном, но в любом заданном виде». Ясно, что в любом случае это – не вся информация, содержащаяся в документе. И это определение уже существовало к моменту выхода препринта [1]! Таким образом, можно допускать, что «сферу неиспользования цитируемого документа» авторы [1] умышленно зауживали до извлекаемой из него информации, подлежащей дальнейшей обработке⁹. Итак, при «авторитетном цитировании» (разновидность «положительного») у авторов [1, с. 15] цитируются идеи, а «используются» результаты в целом, при «классическом цитировании» цитируются «работы» в целом, а при «отрицательном цитировании» – данные «не используются в дальнейших исследованиях» (следовало написать: «в цитирующей работе»). Но как не повторить, что, кроме «данных», в цитируемой работе много всего другого также используется?

Приходится заключить, что классификация [1] достаточно путана и вряд ли пригодна для работы. (Отдельно следует отметить, что рассмотрение весовых

⁸ В предыдущей работе, выполненной с участием Е. Д. Гражданникова [4], речь шла о «сведениях».

⁹ При привлечении более современных определений границы этой зауженности ещё яснее: данные – «[и] нформация, обработанная и представленная в формализованном виде для дальнейшей обработки» [16, п. 3.2.1.2, с. 4] или, согласно [17, п. 3.1.1.15], данные – это «поддающееся переосмыслению представление информации... в формализованной форме, пригодной для передачи... интерпретации или обработки».

коэффициентов самоцитирования показало в принципе необходимость разных подходов к весовым коэффициентам ссылок различных классов¹⁰ в зависимости от того, применяются ли классификации чисто в науковедческих целях и для информационного поиска.) Кстати, в 1976 г. – году выхода данного препринта – была уже известна работа Д. Е. Чубина и С. Д. Мойтры [18] 1975 г. с предложенной ими классификационной схемой, имеющей общие черты с классификациями по Е. Д. Гражданникову, что выражалось в градациях как «негативных», так и «положительных (позитивных)» (у [18] – «одобрительных») ссылок. Впрочем, так же можно сказать, что работа Д. Е. Чубина и С. Д. Мойтры 1975 г. [18] похожа на развитие идей работы с участием Е. Д. Гражданникова 1973 г. [4]: у Гражданникова – критическое и негативное цитирования [4, с. 280], соответствие которым можно усмотреть в «частично негативном» и «полностью негативном» цитировании по Чубину и Мойтре [18]; также четыре вида «одобрительного цитирования» по Чубину и Мойтре [18] можно воспринимать как определённый аналог «четырёх типов цитирования», свидетельствующих «о положительном отношении автора цитирующего документа к цитируемой публикации» [4, с. 280]. Всё же сравнение стилей работ [4], [18] и [1] (и усиленное сравнение их логики) не позволяет даже предполагать, что Д. Е. Чубин и С. Д. Мойтра [18] заимствовали идеи И. П. Суслова и Е. Д. Гражданникова [4], а Е. Д. Гражданников и Т. В. Сорокина [1] заимствовали идеи Д. Е. Чубина и С. Д. Мойтры [18]. Налицо явная интеллектуальная независимость¹¹. Другое дело, что, поскольку Е. Д. Гражданников и его единомышленники и далее не раз возвращались к данной классификации, какие-то ссылки на похожую «западную» классификацию были бы в их работах вполне ожидаемыми. «Справочные», к примеру (используя их терминологию). Но их там нет.

Е. Д. Гражданников и его единомышленники действительно не раз возвращались к данной классификации. Так, в работе 1987 г. автор дополняет данную классификацию таким её принципом, как «по объёму» [19, с. 42] с включением таких «типов цитирования»¹², как «миницитирование» или «цитирование, объём которого не превышает двух строк (не более 120 знаков)», «малообъёмное цитирование», т. е. «цитирование, объём которого составляет 3–5 строк (от 121 до 300 знаков)», «среднеобъёмное цитирование» или «цитирование, объём которого составляет 6–10 строк (от 301 до 600 знаков)», «крупнообъёмное цитирование» (11–200 строк; от 601 до 12 000 знаков) и «максицитирование» т. е. «цитирование, когда работам одного автора посвящена вся источниковая публикация объёмом более 0,5 авторского листа (более 12 000 знаков)» [19, с. 39, 40, 42]. При этом «миницитированию» приписывается 1 «балл», «максицитированию» – 5, а остальным – соответственно 2, 3 и 4. Итак, помимо тяжкого смыслового анализа «на глазок» теперь предложено ещё считать строки и/или знаки, которыми определяется объём текста, посвящённого цитируемым работам. И добро бы их цитировали по одной, но ведь внутри абзаца, посвящённого одной основной обсуждаемой работе, может быть ссылка ещё на несколько.

¹⁰ При условии принятия целесообразности подобных классификаций вообще.

¹¹ Более подробный разбор работы Д. Е. Чубина и С. Д. Мойтры [18] никоим образом не входит в задачи данной статьи.

¹² В работе 1976 г. «типы цитирования», согласно [19, с. 42], назывались «классами цитирования» [1, с. 14], а «принцип классификации» [19, с. 42] назывался её типом [1, с. 14].

Каков же будет объём и «балл» каждой? А при многократном цитировании работы в цитирующей статье меньшие объёмы поглощаются большими или суммируются с большими?! А как установить уровень «миницитирования» для 26, к примеру, цитируемых работ, описанных пятью словами – такими, к примеру, как «предварительная проработка вопроса – в [1–26]¹³»? Реальна ли такая работа, оправдывает ли себя её выполнение? Ответы, думается, понятны.

Вдаваться в столь же педантичный анализ работы [19], каким был анализ [1], у автора этих строк нет желания: в своих комментариях ему, по сути, нечего будет прибавить. Однако приведу и сверхкратко прокомментирую следующие строки: «Положительное и отрицательное цитирование взаимно исключают друг друга, а остальные типы являются независимыми, т. е. могут применяться одновременно. Отсюда следует, что можно получить 300 различных видов цитирования, например, прямое полное конструктивное миницитирование, косвенное полное критическое максицитирование и т. д.» [19, с. 41]. Сколько же вариантов придётся перебирать аналитику при классифицировании **одного-единственного** цитирования!

Через 30 лет Е. Д. Гражданников в соавторстве с Ю. П. Холюшкиным публикует статью с очень похожим названием [11], в которой описывается, в частности, весьма похожая классификация – за исключением того, что классы «отрицательного» и «положительного» цитирования получили название классификационного фрагмента «оценочное цитирование»¹⁴ и новое, отличающееся «наполнение» [11, с. 409]. Теперь в рамках «отрицательного цитирования» выделяется «уничижительное» и «нейтральное» цитирование, в рамках «положительного» цитирования – вновь «нейтральное цитирование», а также цитирование «престижное»; причём, по мнению исследователей [Там же], в рамках «уничижительного цитирования» осуществляется «цитирование серых работ» и «цитирование работ ниже среднего уровня», в рамках «нейтрального цитирования» – вновь «цитирование работ ниже среднего уровня», «цитирование работ среднего уровня» и «цитирование работ выше среднего уровня», а в рамках «престижного цитирования» – вновь «цитирование работ выше среднего уровня» и «цитирование блестящих работ». Явно положительным моментом данного классификационного фрагмента является то, что в сознании его авторов вроде бы отчасти размылась (справедливо) граница между «отрицательным» и «положительным цитированием». В то же время отсутствует обоснование градации цитированных работ от «серых» до «блестящих»¹⁵, а обсуждение «уровня» работ связано в цитируемой статье

¹³ Здесь не цитирование, а условный пример.

¹⁴ Авторы сообщают, что «[о]ценочная функция при цитировании или ссылке состоит в выражении отношения автора к заимствуемому тексту» [11, с. 405]. И продолжают: «Данная функция представлена двумя разновидностями – критической (преимущественно отрицательная оценка) и эмпатической (автор пытается стать на позицию того, чей текст упоминается)» [Там же]. Эта формулировка дословно повторяется дважды – без её развития в самой классификации. В следующей публикации [12] авторы говорят уже не об «эмпатической», а вновь о привычной «положительной оценке» в рамках «оценочной функции» [12, с. 412], зато в классификации ссылок появляется «эмпатическое цитирование» [Там же].

¹⁵ Вопрос градации «уровня» цитируемых работ мне представляется вообще надуманным. Цитирование отражает использование, а использование отражает ценность [5; 20; 21], и в этой связи уместно говорить о цитированных работах как о работах большей или меньшей ценности, а не как о работах «серого», «среднего» и т. п. «уровней». Следует также помнить о том, что ссылка указывает на статью как на документ, а не на «результаты исследования». Хотя понятие документа включает в себя его содержание, высокий

не просто с цитированием, а с цитированием в опубликованных рецензиях [11, с. 410–411], где отношение к цитируемому явным образом выражается вербально. Рекомендаций по практическому применению модифицированной классификации в статье [11] нет, и автор этих строк, как уже, собственно, говорилось, не представляет, каким образом она могла бы быть применена в прикладных наукометрических исследованиях¹⁶. Тем более – в масштабных.

Эта же последняя классификация повторяется в [12] и в [13, с. 109, 114–116]. Но при этом вновь происходит модификация «классификационного фрагмента» «положительное цитирование»: в его рамках появилось «апеллятивное», «эмпатическое» и «этикетное цитирование» [12, с. 412–413; 13, с. 115]. При этом утверждается, что «[а]пеллятивная функция цитирования заключается в том, чтобы опереться на авторитетное мнение как отправной момент для проведения собственных исследований и формулировки собственных выводов. <...> В эмоциональных теориях эмпатия рассматривается как идентификация, заражение и проникновение в теоретические построения других авторов. <...> Этикетное цитирование реализуется в качестве выражения уважения к той или иной научной школе, её авторитетным лидерам и текстам, созданным этими лидерами. Оно позволяет отнести автора научной работы к конкретной научной школе или направлению, так как, ссылаясь на одних авторов, и избегая ссылок на других, создатель научного текста недвусмысленно указывает на свою принадлежность к цитируемой школе» [12, с. 412–413; 13, с. 115]. Появилась и таблица, в которой присутствовали классы «апеллятивного», «эмпатического» и «этикетного» цитирования [Там же].

Поначалу я было подумал, что «апеллятивное цитирование» заменило у Е. Д. Гражданникова «авторитетное цитирование» [1, с. 14–15], а «этикетное цитирование» – соответственно цитирование «классическое» [Там же]. Но оказалось, что соответствующие классы Е. Д. Гражданникова [1, с. 14–15] остаются в новой классификации на месте [13, с. 115] и названы «пентадной группой» (уже «типов», а не «классов») в отличие от вновь введённой «триадной группы». Там же сделана попытка соотнесения различных групп друг с другом; но оказалось, что «авторитетное цитирование» («когда сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и используются в качестве основополагающих положений» – согласно первой и более понятной формулировке И. П. Суслова и Е. Д. Гражданникова [4, с. 279]) и «апеллятивное цитирование» (применяемое для того, «чтобы опереться на авторитетное мнение как отправной момент для проведения собственных исследований и формулировки собственных выводов» [12, с. 412; 13, с. 115]) никак в схемах

уровень цитируемости может быть, к примеру, вызван, понятным стилем изложения результатов исследования по «ходовой» теме, и их средним, и потому понятным, а *вовсе не блестящим* уровнем. Поэтому ценная работа – отнюдь не обязательно блестящая.

¹⁶ Небрежность в оформлении данной работы проявляется и в прямолинейном провозглашении такого «основного недостатка» наукометрического подхода «для оценки потенциала учёного», как то, что «[и]спользование наукометрических показателей в качестве критериев оценки научной деятельности провоцирует учёных к “накрутке” этих показателей...» [11, с. 404]. Это как раз та формулировка, которая полностью равноценна утверждению того, что применение монетарной системы для вознаграждения за труд и распределения благ провоцирует людей к фабрикациям фальшивых банкнот. Однако подобно тому, как не каждый, получающий маленькую зарплату, получивший маленькое наследство (или не получивший вовсе никакого) становится фальшивомонетчиком, так и не всякий учёный будет заниматься производством фальшивых ссылок на свои труды. Увы, эта же формулировка дословно повторяется и в [12, с. 411], и в [13, с. 108].

Ю. П. Холюшкина и Е. Д. Гражданникова не соотносятся: «апеллятивное цитирование» включает в себя «справочное» и отчасти «обзорное».

Нет сомнений, что применительно к любому явлению, к любой системе объектов можно придумать бесконечное количество классификационных схем. Но применительно к рассматриваемым работам речь, как представляется, давно не идёт о работоспособных классификациях в помощь исследованиям, а о неустанной проработке самой возможности предлагать всё новые и новые классификационные основания. Но ведь этот процесс может быть бесконечным, т. к. каждое цитирование – уникально.

Если следование принципу «все ссылки равны» [2, р. 89] позволяет проводить исследования с получением (пусть в чём-то ограниченных, но) осмысленных результатов, то классификационные эксперименты, до рассмотрения которых мы добрались, могут быть интересны и остроумны сами по себе, но для практического использования, полагаю, они вообще неприменимы. Ведь если ещё в работе Е. Д. Гражданникова 1987 г. [19, с. 41] указывалось, что при наличии «20 самостоятельных видов цитирования, объединённых в пять классификационных групп <...> можно получить 300 различных видов цитирования», то сколько же видов стало возможным вычленивать после проведённых модификаций классификации с включением новых её принципов и классов цитирования? И кто в состоянии классифицировать и анализировать сотни и тысячи ссылок по сотням возможных их видов, имея в виду не столько формальные признаки, сколько смысловые связи между научными документами?! Между тем, нам напоминают, что «каждое цитирование может учитываться с весовым коэффициентом, соответствующим типу цитирования», что будто бы «существенно расширяет возможности наукометрического метода и позволяет применять его для оценки качества научных работ» [13, с. 116]. Возможно, это и так – в принципе; но – разве выполнимо предлагаемое на практике?

Да ещё в [13, с. 116] к «пентаде» классов (уже «типов», а не «классов» – в цитируемой формулировке) отрицательного цитирования Е. Д. Гражданникова и Т. В. Сорокиной [1] также добавлена «триадная труппа» из «дебатирующего», «полемиического» и «обличающего» цитирования. Стало сложнее. И много сложнее в (гипотетическом) практическом использовании, если применять и «пентаду», и «триадную группу». А много ли проку добавится к анализу «отрицательного цитирования», которое и так-то – большая редкость, оттого что мы будем знать, что «обличающее цитирование» (из «триадной группы») включает в себя цитирование «обвиняющее» и *отчасти* «отвергающее» [13, с. 116]?!

Последней работой, развивающей классификацию Е. Д. Гражданникова, которая попала в поле зрения автора этих строк, является статья Ю. П. Холюшкина в журнале «Научные и технические библиотеки» [14]. На самом деле она выглядит подытоживающей, и к ней трудно приложить какой-то новый комментарий. Так, в ней воспроизводится уже рассмотренный выше текст, а в роли заключения выступает следующая знакомая по предыдущей работе фраза: «К изложенному выше следует добавить, что в случае дифференцированного показателя цитирования каждое цитирование может учитываться с весовым коэффициентом, соответствующим типу цитирования, что существенно

расширяет возможности наукометрического метода и позволяет применять его для оценки качества научных работ» [14, с. 112], слово в слово совпадающая с вышеприведённой (здесь она и цитируется дословно). Эволюционировавшая классификация характеризуется как основанная «на фрактальном методе, в виде классификационных фрагментов» [14, с. 106]. Во введении её знакомо (и знаково) указывается «на существование проблемы учёта отрицательных цитирований как равноправных с положительными...» [Там же]. Весьма странно отношение автора к возможной связи цитирования документа и его использования: вначале, говоря о положительном (позитивном) цитировании в целом, он утверждает, что таковое «подтверждает данные референтной публикации и возможности их использования в дальнейших исследованиях» [14, с. 109], т. е. при отсутствии выраженного признания того, что цитирование отражает собственно состоявшееся использование цитированной работы, Ю. П. Холюшкин говорит о «подтверждении данных цитированием» – как если бы цитирование свидетельствовало и об их перепроверке (нонсенс! опубликованные данные, как правило, принимаются на веру; для того-то они и публикуются), и о признании (самим фактом ссылки) их пригодности для *дальнейших* исследований. Это, по сути, означает признание за цитируемостью прогнозной функции, хотя прогнозами «ведает» экспертная оценка, в то время как цитируемость указывает именно на *состоявшееся* использование. Но именно его здесь автор [14, с. 109], указывая на потенциальную используемость цитируемых данных в будущем, и не признаёт. И тем не менее, страницей далее признаётся, что «справочное цитирование», являющееся разновидностью «положительного», «свидетельствует об *использовании* данных, которые считаются известными, новыми для науки...» [14, с. 110] (выделено мной. – В. Л.). А применительно к остальным «видам» положительного цитирования, никакой его увязки с использованием (не путать с «возможностью дальнейшего использования») у Ю. П. Холюшкина [14] нет, в том числе и применительно к «конструктивному цитированию», где такая связь – наиболее очевидна... Всё это говорит, как представляется, о полном отсутствии интереса автора к проблеме отражения цитируемостью использования. Или внимание к частностям настолько закрыло ему интерес к целому? (И как мне после этого говорить о том, что истина «цитируемость отражает использование» является общепризнанной?!) Также в [14] нет никаких упоминаний о хотя бы пилотных приложениях классификации к практическим исследованиям. Боюсь быть чрезмерно категоричным, грубым (да и неправым), но впечатление складывается такое, что непрестанное усложнение классификации было самоцелью.

На этом фоне многожды более отрадное впечатление оставила недавняя работа С. В. Марвина [22]. Именно тем, что она содержит весьма *простую* классификацию – и потому есть надежда, что последняя окажется хотя бы частично работоспособной.

Прежде всего, все цитирования делятся С. В. Марвиным на «добросовестные» и «имитационные» (я называю такие попросту «фальшивыми» [23, с. 134; 20, с. 33–34])¹⁷. «Добросовестные» цитирования делятся на «позитивные»

¹⁷ Есть, вероятно, смысл в принципиальном уточнении того, а можно ли вообще считать подделку, фальшивку *разновидностью* изучаемого объекта, однако оставим решение этого вопроса на будущее.

и «отрицательные». За «отрицательными» цитированиями сохраняется признание того, что они *отражают использование* цитированного материала. Со ссылкой на работы [24; 20] С. В. Марвин излагает мой взгляд на «отрицательные» цитирования следующим образом: «...работа, “спровоцировавшая” отрицательную ссылку, ценна в согласии с принятым определением, так как она использована для создания новой публикации (например, “цитирующий автор находит новые дополнительные, развивающие аргументы”). Таким образом, “отрицательные ссылки указывают... на высокую ценность цитируемых работ и на низкое их качество”» [22, с. 292]. Но поскольку автор [22] считает – и это мнение представляет несомненный интерес, – что «следует допустить и... точку зрения <согласно которой> при финансировании организации или проекта, премировании учёного следует учитывать только... <ту> составляющую ценности опубликованных работ... которая максимально коррелирует с качеством» [22, с. 292], это оправдывает разделение в его классификации цитирований на «позитивные» и «отрицательные» с исключением последних из дальнейшей оценки. «Позитивные» же цитирования, согласно С. В. Марвину, «можно разделить на “признательные” и “риторические”... <...> Если цитируемая публикация является первоисточником идеи, на основе которой, как на фундаменте, строится цитирующая публикация, цитирование относится к признательному. Во всех остальных случаях имеет место риторическое цитирование» [22, с. 290]. В свою очередь, автор [22] видит две его разновидности. Одна из них понятна: цитирование для того, «чтобы показать своё отношение к некоторой актуальной тематике исследований» [22, с. 290] (например, автор «показывает, как его исследования дополняют цитируемую публикацию» [Там же]); думается, здесь можно формулировать шире и говорить о демонстрации отношения к чему-либо в контексте обсуждаемого исследования. Но первая составляющая – «прямое использование результата, взятого из вторичного источника» [Там же] – меня в настоящий момент озадачивает. Под вторичным источником понимается не основополагающий документ, впервые содержащий оригинальное знание, а последующие работы «новых авторов, в которых идеи... получили дальнейшее развитие, либо были хорошо разъяснены, либо просто упомянуты в рамках качественной систематизации» [Там же]. Однако ссылки на такие работы имеют ту же функцию, что и ссылка на оригинал¹⁸, а причиной выбора «вторичного источника» может быть при этом банальное отсутствие оригинала под рукой; во всяком случае, в [22] нигде не утверждается противоположное. И уж точно «прямое использование результата, взятого из вторичного источника» [22, с. 290] больше похоже на ситуацию, когда «цитируемая публикация является первоисточником идеи, на основе которой, как на фундаменте, строится цитирующая публикация...» [Там же] (разница лишь в части слова «перво-»), нежели на демонстрацию отношения к исследовательской проблеме. С другой стороны, почему применительно к «вторичному источнику» речь идёт об использовании именно результата? Не догадок, к примеру (которые могут быть плодотворны для использования и которые причислишь к результатам не всегда)? Не документа в целом, как в случае, когда он «является первоисточником идеи, на основе

¹⁸ Во всяком случае – не обязательно исполняют другие функции.

которой, как на фундаменте, строится цитирующая публикация...» [Там же]? Вопросов здесь и при самом неглубоком рассмотрении возникает достаточно.

И все же, если отбросить разделение «риторического цитирования» на разновидности и оставить деление цитирования на «имитационное» и «добросовестное», разделить затем «добросовестное» на «отрицательное» и «позитивное» и далее разделить «позитивное» на «признательное» и «риторическое», мы получаем компактную и достаточно логичную классификацию цитирований. Возможно, она пригодна к использованию. Во всяком случае, её автор реально не первый год озабочен проблемой особого учёта «отрицательных» цитирований [6; 22, с. 292–293], и то, что он пытается предлагать в этом направлении – как бы к этому не относиться с концептуальных «высот», – выглядит не скороспелым лозунгом, а добротным черновиком проекта. Сама же классификация [22] – опять же как бы к ней не относиться – выглядит плодом честных (не вполне уверен, что уже достаточных) размышлений, а не результатом игры в «а что бы ещё придумать?». Ни трёхсот «различных видов цитирования», о которых писал автор классификационных схем нарастающей сложности Е. Д. Гражданников [19, с. 41], ни неизбежно большего их количества при усложнении классификаций в дальнейших рассмотренных здесь работах схема С. В. Марвина [22] не порождает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение русскоязычных работ, посвящённых классифицированию цитирований в наукометрических целях, приходится подчеркнуть, что в рассмотренных работах полностью отсутствуют ссылки на работы зарубежных коллег, занимающихся проблематикой таких классификаций и сходными вопросами¹⁹. Нет преемственности, в том числе с пионерными англоязычными работами, рассмотренными в первой части данной статьи [25], а отмеченное определённое сходство одной из рассмотренных в данной части работ [1] с работой Д. Е. Чубина и С. Д. Мойтры [18] отнюдь не вызвано влиянием [18] на [1], о чём свидетельствуют и сопоставление содержания работ, и список цитированных в [1] источников. Можно отметить и небрежность в оформлении ряда рассмотренных русскоязычных работ. Приведу наиболее вопиющий – с моей точки зрения – пример; содержится он в [13, с. 102]. Цитирую: «Но позволяет ли измерение цитируемости оценить научный вклад? Действительно, цитирование отражает связь между работами учёных, говорит об использовании научных результатов – но оно отражает не все связи. Если труды учёного цитируются широко, то это (в общем случае) указывает на то, что его продукция высоко оценивается и в большой степени используется другими учёными. Но обратное утверждение в общем случае неверно. А для того чтобы цитируемость могла служить основой оценки научного вклада, необходимо, чтобы были верны как прямое, так и обратное утверждение, – это кажется очевидным».

¹⁹ В работе С. В. Марвина [22] присутствует ссылка на одну зарубежную работу, которую можно отнести к данной проблематике.

Можно резонно спросить: «К чему приводилась эта цитата? Ведь формулировка прекрасна». Это так. Загвоздка «лишь» в том, что это – дословная цитата из статьи С. Г. Кара-Мурзы 1981 г. [26]. Но при этом – ни кавычек, ни ссылок, ни упоминания фамилии скрытно цитируемого автора... (А еще: «Гартфилд» как написание фамилии Юджина Гарфилда [10, с. 55], использование слова «автор» для обозначения авторского дуэта [12, с. 410]...)

Далее. За исключением самой первой из рассмотренных нами (в предыдущей части) русскоязычных классификаций цитирований, создаваемых в наукометрических целях [27], в которой содержится фактическое признание того, что цитируемость всегда отражает использование, в последующих классификациях (кроме классификации С. В. Марвина [22]) данный принцип либо прямо отрицался, либо от его принятия авторы уходили с помощью подмены понятий (как имело место в парах рассматриваемых понятий «использование документа» / «использование данных» (или «использование сведений»)). Признание использования цитируемого документа как универсальной причины не уточнялось частными причинами цитирования или поводами для него, но *подменялось* ворохом частных причин или поводов цитирования, среди которых «использование» могло быть признано одной из возможных и относилось лишь к некоторым классам («типам»). При этом принцип «цитируемость отражает использование» никоим образом не опровергается данными работами и не может на их основании, как было показано, быть поставленным под сомнение.

Положительным же опытом, извлечённым из рассмотрения этих работ, который, возможно, достоин развития, представляются следующие моменты:

1. Понимание того, что создаваемые и используемые в наукометрических целях классификации цитирований (позволяющие, пользуясь формулировкой Е. Д. Гражданникова [19, с. 38], перейти от «потокowego» к «дифференцированному» подходу при анализе) должны быть простыми, интуитивно понятными и очевидно воспроизводимыми. В полной мере таковой является лишь самая первая из рассмотренных в данном цикле русскоязычных классификаций – классификация А. И. Уёмова [27] и – в значительной, но не уверен пока, что в полной мере – последняя из рассмотренных классификаций: классификация С. В. Марвина [22]. Если и экспериментировать с использованием подобной классификации, то следует в первую очередь ориентироваться на них.

2. Понимание того, что, если и далее экспериментировать с практическим применением подобных классификаций, то следует учитывать возможность неодинаковых весовых коэффициентов ссылок одного и того же класса, в зависимости от того, будет ли классификация применена в чисто науковедческих целях или же для информационного поиска.

3. Намеченная в одной из рассмотренных здесь работ (невольная?) попытка стирания граней между «положительными» и «отрицательными» цитированиями представляется плодотворной и заслуживает дальнейшего осмысления и развития. (При этом трудно не добавить, что вообще сложившееся «машинальное» отношение к «отрицательным» ссылкам как к погрешностным нуждается, как представляется, в пересмотре.) Возможно, именно дальнейшие исследования, демонстрирующие стирание этих граней, окажутся

более продуктивными, нежели дальнейшие попытки «лобовых» опровержений сложившегося их восприятия.

4. Кажется парадоксальным, но представляется плодотворным и заслуживает дальнейшего осмысления и развития и противоположный подход С. В. Марвина [22], касающийся особого учёта «отрицательных» ссылок в контексте поставленной им оригинальной цели оценки цитируемых работ по той составляющей их ценности, «которая максимально коррелирует с качеством» [22, с. 92] и признанием (вслед за автором этих строк [5, с. 12]²⁰) «отрицательных» ссылок не погрешностными, а указывающими на ценность цитируемых документов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданников Е. Д., Сорокина Т. В. Наукометрические методы библиографического поиска. Новосибирск : [б. и.], 1976. 19 с.
2. Smith L. C. Citation analysis // *Library Trends*. 1981. Vol. 30, № 1. P. 83–106.
3. Лазарев В. С., Юрик И. В. О проблемах идентификации информационных источников, выявляемых в ходе исследований цитат-показателей с применением Journal Citation Reports® // Системный анализ и прикладная информатика. 2018. № 1. С. 4–15. DOI 10.21122/2309-4923-2018-1-4-15. EDN XTXRUT.
4. Суслов И. П., Гражданников Е. Д. Основы социальной статистики : (курс лекций для студентов НГУ) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : [б. и.], 1973. 317 с.
5. Лазарев В. С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность // Международный форум по информации. 2017. Т. 42, № 1. С. 3–16. EDN YHDACD.
6. Марвин С. В. О статистической взаимосвязи между экспертными оценками научных журналов и их импакт-факторами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 4. С. 583–592. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-583-592. EDN JCBYTO.
7. Nicolaisen J. Citation analysis // *Annual Review of Information Science and Technology*. 2007. Vol. 41, № 1. P. 609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.
8. Garfield E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? // *Scientometrics*. 1979. Vol. 1, № 4. P. 359–375. DOI 10.1007/BF02019306.
9. Meadows A. J. *Communication in science*. London : Butterworth, 1974. 248 p.
10. Холюшкин Ю. П., Витяев Е. Е., Костин В. С. Задачи археологии и методы их решения: монография // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2013. № 18. С. 3–97. EDN SDIXKH.
11. Холюшкин Ю. П., Гражданников Е. Д. К проблеме критериальной оценки научных результатов // Научный альманах. 2016. № 8–1 (22). С. 403–412. DOI 10.17117/na.2016.08.01.403. EDN WWHEEP.
12. Холюшкин Ю. П., Гражданников Е. Д. Системная классификация понятия «Положительное цитирование» // Научный альманах. 2016. № 10–2 (24). С. 410–414. DOI 10.17117/na.2016.10.02.410. EDN XEESCD.
13. Очерки по науковедению: монография в журнале / Ю. П. Холюшкин, Е. Д. Гражданников, В. С. Костин [и др.] // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2017. № 22. С. 3–157. EDN YJVPOQ.

²⁰ «[О]трицательные ссылки» являются не досадными шумовыми помехами в общем потоке цитирований, а быть может, тончайшей его составляющей для выявления ценных, но не обязательно качественных работ» [5, с. 12].

14. Холюшкин Ю. П. Дифференцированная классификация цитирования: некоторые подходы // Научные и технические библиотеки. 2017. № 9. С. 104–113. DOI 10.33186/1027-3689-2017-9-104-113. EDN ZJACJJ.
15. Терминологический словарь по информатике. М. : МЦНТИ, 1975. 752 с.
16. ГОСТ 7.0-99. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 1999. IV, 23 с. URL: <https://ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (дата обращения: 11.08.2024).
17. ISO 5127:2017(en), Information and documentation – Foundation and vocabulary // ISO Online Browsing Platform (OBP) : [сайт]. URL: <https://iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (дата обращения: 11.08.2024).
18. Chubin D. E., Moitra S. D. Content analysis of references: Adjunct or alternative to citation counting? // Social Studies of Science. 1975. Vol. 5, № 4. P. 423–441. DOI 10.1177/030631277500500403.
19. Гражданников Е. Д. Проблемы критериальной оценки научных результатов // Проблемы развития научно-образовательного потенциала. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1987. С. 24–46.
20. Лазарев В. С. Цитируемость как средство отражения ценности и качества научных документов, результативности учёных, нобелевского уровня исследований / под ред. проф. В. М. Тютюнника. Тамбов ; М. ; СПб. ; Баку ; Вена ; Гамбург ; Стокгольм ; Буаке ; Варна ; Ташкент : Нобелистика, 2020. 64 с. ISBN 978-5-86609-237-6. EDN GYQEEO.
21. Лазарев В. С. О ценности научного документа. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 165–197. DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.9. EDN WIGULV.
22. Марвин С. В. О ценности, качестве и отрицательном цитировании научных публикаций // Эргодизайн. 2024. № 3 (25). С. 288–296. DOI 10.30987/2658-4026-2024-3-288-296. EDN WEBMIF.
23. Лазарев В. С. Свойство, которое на самом деле оценивают, когда говорят, что оценивают “impact” // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 2. С. 129–138. DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138. EDN LKSIWM.
24. Лазарев В. С. Можно ли считать уровень цитируемости научных документов показателем их качества? // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение : сборник научных статей / под ред. А. И. Груши. Минск : Белорусская наука, 2018. С. 88–103. EDN XWSTVR.
25. Лазарев В. С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 1 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 4. С. 143–162. DOI 10.19181/smtp.2024.6.4.8. EDN MEXRYZ.
26. Кара-Мурза С. Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестник АН СССР. 1981. № 5. С. 68–75.
27. Уёмов А. И. Учёт многообразия ссылок в науковедческом анализе // Проблемы науки управления и применение вычислительной техники для автоматизации и механизации управленческого труда : тезисы докладов Республиканской научно-технической конференции. Секция 5: Организация и управление научными исследованиями. Киев : УкрНИИНТИ, 1968. Ч. 1. С. 34–38.

REFERENCES

1. Grazhdannikov E. D., Sorokina T. V. Scientometric methods of bibliographic search [Naukometricheskie metody bibliograficheskogo poiska]. Novosibirsk : S.I.; 1976. 19 p. (In Russ.).
2. Smith L. C. Citation analysis. *Library Trends*. 1981;30(1):83–106.
3. Lazarev V. S., Yurik I. V. On the problems of identification of information sources being discovered in the course of citation studies with the use of Journal Citation Reports®. *System Analysis and Applied Information Science*. 2018;(1):4–15. (In Russ.). DOI 10.21122/2309-4923-2018-1-4-15.
4. Suslov I. P., Grazhdannikov E. D. Fundamentals of social statistics [Osnovy sotsial'noi statistiki] : A lecture course for NSU students. Novosibirsk : S.I.; 1973. 317 p. (In Russ.).
5. Lazarev V. S. Scientific documents and their ordered sets: Citedness, use, value [Nauchnye dokumenty i ikh uporyadochennyye sovokupnosti: tsitiruemost', ispol'zovanie, tsennost']. *International Forum on Information=Mezhdunarodnyi forum po informatsii*. 2017;42(1):3–16. (In Russ.).
6. Marvin S. V. About the statistical relationship between expert judgment for scientific journals and their impact factors. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law=Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2019;44(4):583–592. (In Russ.). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-583-592.
7. Nicolaisen J. Citation analysis. *Annual Review of Information Science and Technology*. 2007;41(1):609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.
8. Garfield E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? *Scientometrics*. 1979;1(4):359–375. DOI 10.1007/BF02019306.
9. Meadows A. J. Communication in science. London : Butterworth; 1974. 248 p.
10. Kholushkin Yu. P., Vityaev E. E., Kostin V. S. Problems of archaeology and methods of their solution: A monograph [Zadachi arkheologii i metody ikh resheniya: monografiya]. *Information Technology in Humanities Research=Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh*. 2013;(18):3–97. (In Russ.).
11. Kholushkin Yu. P., Grazhdannikov E. D. On the problem of criteria evaluation of scientific results. *Scientific Almanac=Nauchnyi al'manakh*. 2016;(8–1):403–412. (In Russ.). DOI 10.17117/na.2016.08.01.403.
12. Kholushkin Yu. P., Grazhdannikov E. D. System classification of the concept of “Positive citation”. *Scientific Almanac=Nauchnyi al'manakh*. 2016;(10–2):410–414. (In Russ.). DOI 10.17117/na.2016.10.02.410.
13. Kholushkin Yu. P., Grazhdannikov E. D., Kostin V. S., Kulemzin V. M., Vityaev E. E., Martynovich V. V., Kann S. K., Komarov S. Yu. Essays on science studies: A monograph in the journal [Ocherki po naukovedeniyu: monografiya v zhurnale]. *Information Technology in Humanities Research=Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh*. 2017;(22):3–157. (In Russ.).
14. Kholushkin Yu. P. Some approaches to classification of citation (on the archaeological materials). *Scientific and Technical Libraries=Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 2017;(9):104–113. (In Russ.). DOI 10.33186/1027-3689-2017-9-104-113.
15. Dictionary of informatics terms [Terminologicheskii slovar' po informatike]. Moscow : International Centre for Scientific and Technical Information; 1975. 752 p. (In Russ.).
16. GOST 7.0-99. An interstate standard. System of standards on information, librarianship and publishing. Information and library activities, bibliography. Terms and definitions [GOST 7.0-99. Mezhhgosudarstvennyi standart. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Informatsionno-bibliotchnaya deyatel'nost', bibliografiya. Terminy i opredeleniya]. Minsk : Euro-Asian Interstate Council for Standardization, Metrology and

Certification; 1999. iv, 23 p. Available at: <https://ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (accessed: 11.08.2024). (In Russ.).

17. ISO 5127:2017(en), Information and documentation – Foundation and vocabulary. ISO Online Browsing Platform (OBP). Available at: <https://iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (accessed: 11.08.2024).

18. Chubin D. E., Moitra S. D. Content analysis of references: Adjunct or alternative to citation counting? *Social Studies of Science*. 1975;5(4):423–441. DOI 10.1177/030631277500500403.

19. Grazhdannikov E. D. Problems of criteria-based evaluation of scientific results [Problemy kriterial'noi otsenki nauchnykh rezul'tatov]. In: Problems of the development of scientific and educational potential [Problemy razvitiya nauchno-obrazovatel'nogo potentsiala]. Novosibirsk : Nauka, Siberian Branch; 1987. P. 24–46. (In Russ.).

20. Lazarev V. S. Citedness as a means of representation of value and quality of scientific documents, performance of scientists and the Nobel level of research [Tsitiruemost' kak sredstvo otrazheniya tsennosti i kachestva nauchnykh dokumentov, rezul'tativnosti uchenykh, nobelevskogo urovnya issledovaniy]. Ed. by V. M. Tyutyunnik. Tambov ; Moscow ; St. Petersburg ; Baku ; Vienna ; Hamburg ; Stockholm ; Bouake ; Varna ; Tashkent : Nobelistika; 2020. 64 p. (In Russ.). ISBN 978-5-86609-237-6.

21. Lazarev V. S. On the value of a scientific document. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):165–197. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.9.

22. Marvin S. V. On the value, quality and negative citation of scientific publications. *Ergodesign*. 2024;(3):288–296. (In Russ.). DOI 10.30987/2658-4026-2024-3-288-296.

23. Lazarev V. S. The property that is factually being evaluated when they say they evaluate impact. *Scholarly Research and Information*. 2019;2(2):129–138. (In Russ.). DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138.

24. Lazarev V. S. Is it right to consider the level of citations to scientific paper as the indicator of their quality? In: Grusha A. I., ed. *Scientometrics: Methodology, tools, practical application* [Naukometriya: metodologiya, instrumenty, prakticheskoe primeneniye] : A collection of scientific articles. Minsk : Belaruskaya Navuka; 2018. P. 88–103. (In Russ.).

25. Lazarev V. S. From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Russophone publications. Part 1. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(4):143–162. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.4.8.

26. Kara-Murza S. G. Citation in science and approaches to the evaluation of scientific contributions [Tsitirovanie v nauke i podkhody k otsenke nauchnogo vklada]. *Herald of the USSR Academy of Sciences=Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1981;(5):68–75. (In Russ.).

27. Uemov A. I. Taking into account the diversity of references in science studies analysis [Uchet mnogooobraziya ssylok v naukovedcheskom analize]. In: Issues of management science and the use of computer technology for automation and mechanization of managerial work [Problemy nauki upravleniya i primeneniye vychislitel'noi tekhniki dlya avtomatizatsii i mekhanizatsii upravlencheskogo truda] : Abstracts of the Republican science and technology conference. Section 5: Organization and management of scientific research [Organizatsiya i upravlenie nauchnymi issledovaniyami]. Kiev : Ukrainian Research Institute of Scientific and Technical Information; 1968. Part 1. P. 34–38. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 21.08.2024.
Одобрена после рецензирования / Revised 28.03.2025.
Принята к публикации / Accepted 24.04.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарев Владимир Станиславович *vslazarev@bntu.by*

Ведущий библиограф отдела развития научных коммуникаций, Научная библиотека,
Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

SPIN-код: 9750-7985

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Lazarev *vslazarev@bntu.by*

Leading bibliographer, Department for Research Communication Development, Scientific Library,
Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

ORCID: 0000-0003-0387-4515

Scopus Author ID: 7101791251

Web of Science ResearcherID: D-5165-2016